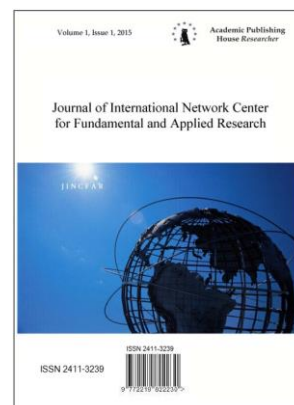

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Slovak Republic
Journal of International Network Center
for Fundamental and Applied Research
Has been issued since 2014.
E-ISSN 2413-7588
2018, 5(1): 23-37

DOI: 10.13187/jincfar.2018.1.23
www.ejournal36.com

Representations of the Cossack and Cossacks Class in the "Statistical Description of the Don Host Oblast" of S.F. Nomikosov: in Defense of "Private and Temporary Measures"

Artyom Y. Peretyatko ^{a, b, *}

^a Southern Federal University, Russian Federation

^b East European History Society, Russian Federation

Abstract

This work is devoted to the representations of the Cossack and Cossacks class in the «Statistical description of the Don Host Oblast» by S.F. Nomikosov (1884). The author of this book was the secretary of the Don Regional Statistical Committee. He supported the policy of the ataman N.I. Svyatopolk-Mirsky, who denied the need for serious reforms of the Cossacks. S.F. Nomikosov argued that the Cossack harmoniously combines the qualities of a "warrior" and a "citizen". He also stressed the stability of the Cossack class, and insisted that his problems were greatly exaggerated by liberal authors. From all this he concluded that the Cossacks do not need serious reforms for the successful continuation of their military and civil functions.

Keywords: representations of the Cossack, representations of the Cossacks class, government policy towards the Cossack Hosts, N.I. Svyatopolk-Mirsky, S.F. Nomikosov, «Statistical description of the Don Host Oblast».

1. Введение

На Дону переход от либеральной эпохи Александра II к консервативному царствованию Александра III ознаменовалось немедленной сменой наказного атамана. Н.А. Краснокутского заменил Н.И. Святополк-Мирский, вскоре распорядившийся выпустить книгу секретаря местного статистического комитета С.Ф. Номикосова, «Статистическое описание Области Войска Донского». Подобное решение атамана не было случайным: данное исследование содержало важный для понимания правительственной политики этих лет образ казачества. Современный историк А.А. Волвенко пишет о ней так: «Его (С.Ф. Номикосова – А.П.) книга была важным элементом в формировании взглядов тех лиц во власти и в обществе, которые считали, что повышенные требования к службе казака вполне окупаются за счет его привилегированного положения и не наносят существенного вреда казачьей экономике» (Волвенко, 2017: 154). Поясним подробнее, о каких взглядах идет речь.

Фигура Н.И. Святополк-Мирского как атамана крупнейшего казачьего войска изначально выглядела спорно: впервые эту должность занял человек, не имеющий ни опыта командования крупными кавалерийскими соединениями, ни практики в качестве гражданского чиновника. Современный историк полагает, что пехотный генерал был

* Corresponding author

E-mail addresses: ArtPeretatko@yandex.ru (A.Y. Peretyatko)

назначен правителем Дона в основном потому, что выделялся «такими качествами как преданность престолу и дисциплинированность» (Волвенко, 2017: 119). И в итоге Н.И. Святополк-Мирской стал одной из самых одиозных фигур донской истории второй половины XIX в., а многие историки оценивают его крайне критически. А.А. Карасев, которому, на наш взгляд, принадлежит наиболее обобщенная характеристика личности Н.И. Святополк-Мирского, выделял у него, как у администратора, три основных недостатка: то, что он «не признавал необходимости культурного развития Донского казачества», «равнодушно относился и к гражданским учреждениям Донского края», и, наконец, «не признавал полезности объездов края», из-за чего «не мог лично осведомляться о изъянах управления» (Карасев, 1899: 113). Трудолюбием атаман так же не отличался: «он весьма часто, а особенно в летнее время, уезжал из Новочеркасска в свое Харьковское имение» (Карасев, 1899: 114). В целом, по мнению А.А. Карасева, правление Н.И. Святополк-Мирского охарактеризовалось расцветом доносительства, массовым закрытием школ, упразднением земских учреждений и введением на Дону института жандармов. На этом фоне бесспорные положительные качества атамана и его отдельные достижения, к числу важнейших из которых относились открытие Донского кадетского корпуса, постройка здания для Донского музея и сооружение памятника Ермаку, представлялись историку не столь значимыми (Карасев, 1899: 113-114). Мы бы дополнили этот яркий образ Н.И. Святополк-Мирского двумя характерными черточками: по свидетельству современников, в новочеркасском обществе атаман получил прозвище «Окаянный» (Петровский, 1916: 20-21), а еще, как пишет современный исследователь А.П. Скорик, задолго до своей отставки генерал занялся деятельной подготовкой к ней, купив второе имение и «планируя там провести свою старость и оставить после себя благоустроенное родовое гнездо» (Скорик, 2015: 78).

Впрочем, другие современные авторы призывают к более объективной оценке Н.И. Святополк-Мирского. Так, А.А. Волвенко, признавая, что правление этого атамана давало много поводов для критики, в то же время подчеркивает, что «было бы неправильно не заметить тех мероприятий, проведенных при Н.И. Святополк-Мирском, которые объективно отвечали потребностям военного, социально-экономического и культурного развития Донского края и казачества» (Волвенко, 2017: 119). Тем не менее, именно этому таганрогскому исследователю принадлежит, пожалуй, самое главное из обвинений, выдвинутых атаману. А.А. Волвенко пишет: «Однако главный вопрос – ухудшающееся экономическое положение казачества из-за роста требований военной службы Н.И. Святополк-Мирский и его администрация решали недостаточно эффективно» (Волвенко, 2017: 120). Судя по информации, которую приводит А.П. Скорик, многие представители «донской казачьей управленческой элиты» понимали важность разрешения этого вопроса, и среди донских чиновников в последние годы атаманства Н.И. Святополк-Мирского наметился раскол на «традиционалистов», считающих все же возможным сохранение сложившихся порядков, и «реалистов», выступающих за немедленное начало серьезных реформ. Однако генерал фактически проигнорировал сложившуюся ситуацию, предоставив разбираться с ней своим преемникам (Скорик, 2015: 77-78).

В совокупности все эти свидетельства современников и позднейших историков рисуют нам образ человека, вероятно, по своему не глупого и даже не вполне равнодушного к развитию культуры Дона (в конце концов, как видно из этих свидетельств, именно Н.И. Святополк-Мирский сыграл важную роль в развитии Донского музея). Но ни масштаб личности атамана, ни его административный опыт не соответствовали тем проблемам, которые стояли перед донским казачеством накануне XX в., когда начали стремительно меняться формы ведения боевых действий, на смену аграрному обществу в Европе приходило общество индустриальное, а феодальные восточноевропейские империи доживали последние десятилетия. И Н.И. Святополк-Мирский, к тому же, не слишком трудолюбивый от природы, предпочел просто проигнорировать наиболее важные и системные проблемы донского казачества, связанные с его гражданским и экономическим развитием, сосредоточив все свое внимание на решении проблем частных. Возможно, именно поэтому он управлял Доном рекордно долгий срок, в течение всего царствования Александра III и в начале царствования Николая II: имперским властям годы его атаманства, когда был упрочен войсковой бюджет, расширены границы Области Войска

Донского и усилен контроль над рядовыми казаками (Волвенко, 2017: 119-120), все это время могли казаться вполне успешными. А когда проблемы вскрылись до конца, стало уже поздно: за подобным кажущимся административным благополучием Военное Министерство упустило момент, когда донское казачество начало стремительно беднеть. И, вскоре после снятия Н.И. Святополк-Мирского с должности атамана, один из донских общественных деятелей, П.Г. Мордвинцев, писал: «Если в 1870 г. войсковая администрация безуспешно искала между зажиточными семьями нищих, то через двадцать лет придется, быть может, еще с большей безуспешностью искать затерявшихся между нищими состоятельных» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 8-8об).

Нужно отметить, что процесс обеднения донского, и, шире, российского казачества отнюдь не был неожиданным. О подобной опасности в 1860 гг. писал, сильно сгущая краски, видный донской статистик Н.И. Краснов (Краснов, 1863: 234), а депутаты от казачьих станиц в 1860 гг. отмечали, что уменьшение юртовых наделов рано или поздно подорвет благосостояние казачьих хозяйств (ГАРО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 240. Л. 120б-13). В 1880 гг. о необходимости срочных реформ казачества говорили даже наиболее прозорливые из консерваторов, например, Н.А. Маслаковец, почти десятилетие пробывший помощником донского атамана по гражданской части, а затем возглавивший Оренбургское войско (Список, 1901: 226). В 1889 г. он направил в Военное Министерство целую записку, посвященную данной теме. Правда, в ней он, в рамках консервативной идеологии, связывал проблемы казачьих войск с неудачными преобразованиями предыдущего царствования (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 5-7об), однако это ничуть не смягчало картину тяжелейшего положения оренбургских казаков, нарисованную генералом: «Для оказания сколько-нибудь изрядной помощи казачьему населению средства Оренбургского войскового капитала решительно недостаточны. А между тем в этом именно наступает ныне крайняя необходимость, как в этом убедила меня только что оконченная мною поездка по Губернии, причем до 2 000 верст пути пришлось мне делать по войсковой территории (тут кажется уместным напомнить, что Н.И. Святополк-Мирский, по свидетельству А.А. Карасева, «не признавал полезности объездов края» – А.П.). Нужда во многих казачьих поселениях, сколько вследствие неурожая последних четырех лет, столько же и по беспорядочному ведению казаками частного и общественного хозяйства, достигла в настоящее время крайних пределов – станичные суммы давно истощены, хлебные запасные магазины во многих местах пусты, личные средства казаков совершенно оскудели. Население положительно голодает, скот гибнет от бескормицы! Рядом с этим казачье население обременено множеством долгов и недоимок в войсковые, земские и общественные суммы» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 8об-9). Что еще важнее, Н.А. Маслаковец полагал, что подобные проблемы носят универсальный характер, характерны для всех казачьих войск, и разрешить их сможет только новая волна серьезных преобразований: «Все эти обстоятельства, замеченные как в Оренбургском, так и в других казачьих войсках, обратили уже на себя необходимое внимание со стороны Военного Министерства и начато их уже устранение путем целого ряда реформ» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 7об).

Однако для Н.И. Святополк-Мирского подобные утверждения о неблагополучии казачества были крайне неудобны, независимо от того, носили они либеральный, как у Н.И. Краснова, или консервативный, как у Н.А. Маслаковца, характер. Донской атаман был заинтересован в создании максимально позитивного образа казачества, в демонстрации того, что вверенный ему край благополучен и нуждается только в ординарной административной деятельности. И появление «Статистического описания Области Войска Донского» следует рассматривать с учетом всего вышеизложенного: хотя к 1880 гг. образ казачества формировали многие тексты, доступные широкому читателю, Н.И. Святополк-Мирский нуждался в появлении новой и авторитетной книги, в которой донское казачество позиционировалось бы как максимально благополучное и эффективное с точки зрения властей сословие. А секретарь Донского статистического комитета, С.Ф. Номикосов, придерживался схожих с Н.И. Святополк-Мирским консервативных взглядов и был противником радикальных либеральных реформ, но при этом отрицал и необходимость того возврата казачьих войск к прошлому, на котором настаивал Н.А. Маслаковец. Еще в 1870 гг., когда на Дону развернулась полемика вокруг введения земств, С.Ф. Номикосов выступил их принципиальным противником (Волвенко, 2017: 152). Впрочем, не стоит

увязывать появление новой книги только с политикой: секретарь Донского статистического комитета полагал, что работы Н.И. Краснова начала 1860 гг., содержащие подробный очерк состояния донской экономики, за двадцать лет безнадежно устарели. Он писал по этому поводу: «К сожалению, самые данные, помещенные в главе VI («Материалов для географии и статистики России, собранных офицерами Генерального штаба» Н.И. Краснова – А.П.), не всегда подвергались тщательной предварительной проверке, что легко объясняется отсутствием в то время разнообразия в сыром материале» (Номикосов, 1884: 3). Поэтому вполне закономерно, что С.Ф. Номикосов решил создать новый текст, призванный заменить работы Н.И. Краснова, руководствуясь как своими научными интересами, так и политической конъюнктурой.

И созданная в итоге книга вполне соответствовала задачам, поставленным перед ней автором. Младшие современники отзывались о «Статистическом описании Области Войска Донского» как о «лучшем сочинении в этом роде» (Донцы, 2003: 341), а об идеологическом значении данного текста мы уже писали выше. Таким образом, сотрудничество ученого и атамана оказалось выгодно для них обоих: секретарь статистического комитета сумел опубликовать при поддержке местных властей книгу, оказавшуюся лучшим трудом о донской статистике конца XIX в., а местные власти получили «оправдание» своей политики в столь авторитетном издании. Любопытно, что в дальнейшем идеи С.Ф. Номикосова были востребованы и другими политическими силами. Мы бы хотели обратить внимание читателя на еще одну любопытную мысль А.А. Волвенко: «Результаты подобных сравнений (С.Ф. Номикосов сравнивал «благополучное» казачество и «неблагополучное» крестьянство – А.П.), будет активно эксплуатировать «левая», в том числе, революционная публицистика для доказательства бедственного положения крестьянства на фоне привилегированного состояния казачества» (Волвенко, 2017: 154). Нам представляется, что современный историк во многом прав: благополучие в образах казака и казачества было значительно раздуто С.Ф. Номикосовым, а позже и другими донскими консерваторами, что неожиданно оказалось выгодно, скорее, для их идеологических противников. В начале XX в., когда казачьи части выступили важнейшим инструментом подавления беспорядков в России, противопоставление «богатого казачества» «нищему крестьянству» уже с негативной, а не позитивной окраской было подхвачено антиправительственными политическими силами. Между тем, это противопоставление именно в плане материального благополучия было довольно спорным: как мы уже писали, другие донские общественные деятели, например, П.Г. Мордвинцев, отмечали призрак нищеты, вставший к началу XX в. над донскими казаками (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 8-8об).

Как мы видим, «Статистическое описание Области Войска Донского» С.Ф. Номикосова сыграло существенную роль и в научной, и в политической жизни казачества. В своей статье мы попытались установить, какими были те образы казака и казачества, которые предлагал донской исследователь, сделав особый акцент на его своеобразном заочном споре с Н.И. Красновым. Дело в том, что последний в своих работах 1860 гг. исходил из жесткой оппозиции социальных ролей «казака-воина» и «казака гражданина». Дословно он писал следующее: «Казак, в настоящем его значении, есть воин-поселянин, обязанный за поземельный надел быть постоянно готовым к выступлению в поход. На нем постоянно лежат две обязанности: гражданина, заботящегося о средствах к своему и своего семейства существования, и воина, которого ремесло редко может принести пользу в хозяйстве. Противоположность этих двух занятий неминуемо должна отразиться на казаке, и, чем материальное положение его на родине выше, тем менее оно будет годно к военной службе (курсив автора – А.П.)» (Краснов, 1870: XIII). С.Ф. Номикосов же попытался доказать, что подобное противопоставление не соответствует действительности, и о том, что заставило его сделать это, мы подробно напишем ниже.

2. Материалы и методы

Разумеется, основным источником для нашего исследования будет само «Статистическое описание Области Войска Донского» С.Ф. Номикосова (Номикосов, 1884). Однако мы будем рассматривать эту книгу в контексте эпохи, сопоставляя ее с другими текстами, в которых формировался альтернативный образ казачества. Наиболее важны для нас те из этих текстов, которые принадлежали перу высокопоставленных чиновников: уже

процитированная выше «Записка о вредном влиянии реформ 1860 гг. на экономическое положение оренбургских казачьих войск и о мерах подъема их благосостояния» Н.А. Маслаковца (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104) и «Записка по поводу замечаний, сделанных министром внутренних дел на проект Положения о воинской повинности Донского войска» Д.А. Милютина (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938).

На основе этих источников, используя историко-сравнительный метод, мы попытаемся показать, в чем заключались особенности тех образов казака и казачества, которые пытался сформировать С.Ф. Номикосов. А характеризуя личность этого деятеля донской науки, мы обратимся к историко-биографическому методу.

3. Обсуждение

К сожалению, о личности С.Ф. Номикосова нам известно заметно меньше, чем о личности покровительствовавшего ему атамана. Секретарю Донского статистического комитета к 1884 г. было уже почти пятьдесят лет, а свою научную и общественную деятельность он начал еще в 1860 гг. (Донцы, 2003: 339-341). На региональном уровне С.Ф. Номикосову удалось стать вполне значимой фигурой: помимо должности в статистическом комитете, донской автор был редактором неофициальной части «Донских областных ведомостей», а так же сотрудником целого ряда других местных изданий (Донцы, 2003: 340-341). Однако на более высокий, российский уровень известности, он то ли не пытался, то ли не смог выйти: его статьи помещались только в таких узкоспециализированных столичных изданиях, как «Сельский Хозяин» и «Русский винодел» (Донцы, 2003: 341), а самостоятельных книг, кроме «Статистического описания Области Войска Донского», С.Ф. Номикосов почти не писал. Единственным исключением стал «Очерк коневодства в области Войска Донского», основанный на материалах военно-конной переписи (Донцы, 2003: 341). Зато С.Ф. Номикосов лично много лет редактировал «Памятные книжки» статистического комитета, как раз проверяя достоверность помещаемых там сведений (Донцы, 2003: 341). Ничего удивительного, что при подобных вводных данных его «Статистическое описание Области Войска Донского» рассматривалось многими позднейшими исследователями как надежнейший источник информации по истории и статистике Дона. Вот только в действительности это было не так, и книгу С.Ф. Номикосова, при всей ее ценности, следует рассматривать не только как научный труд, но и как произведение совершенно определенной идеологической окраски, в котором мнение автора нередко искажает сообщаемые факты.

Вместо того, чтобы давать объективную картину, хотя бы упоминая о том, какие ответы предлагались различными общественными деятелями на наиболее дискуссионные вопросы истории и статистики донского казачества, С.Ф. Номикосов описывал только свою позицию как единственно верную. В некоторых случаях он доходил до попыток отрицать (именно отрицать, а не игнорировать) реальные, но не слишком известные факты. Так, им была полностью переписана ситуация начала 1860 гг. на Дону, никак не вписывающаяся в консервативный образ верного престола казачества. Секретарь донского статистического комитета не желал признать того, что правительственная политика этого времени вызывала у донцов серьезное недовольство. Он писал: «Если и существовало некоторое брожение умов, то оно заметно было только в Новочеркасске; станицы же пребывали в полнейшем спокойствии» (Номикосов, 1884: 48-49). Между тем, факты свидетельствуют о обратном: в 1863 г. Александр II лично отправил на Дон для проверки слухов о приближающемся тут бунте своего флигель-адъютанта Н.В. Мезенцева, и тот писал императору, что в станицах стоит ропот, а многие местные жители сочувствуют местной оппозиции, хотя о полноценном восстании «верноподданнически любящие Государя» казаки и не задумываются (Волвенко, 2014: 12-16). И С.Ф. Номикосов, живший в 1860 гг. в Новочеркасске, не мог не знать действительного положения вещей. Однако для секретаря статистического комитета, как и для многих других консерваторов, сама возможность противостояния казачества и имперской власти была идеологически неприемлема, и он пытался максимально скомпрометировать данный сюжет, называя его в итоге... «недоразумениями разного рода» (Номикосов, 1884: 49). Нетрудно понять, что при таком обращении с фактами, С.Ф. Номикосов, опираясь на свой авторитет крупного специалиста по донской истории и статистике, мог лепить свои образы казака и казачества, сильно отстоящие от реальности.

Возможно, наиболее важным в этих образах было то, что С.Ф. Номикосов не признавал предложенной Н.И. Красновым оппозиции «казака-воина» и «казака-гражданина». Автор «Статистического описания Области Войска Донского» использовал терминологию своего предшественника, но при этом считал казаков «воинами-гражданами», умеющими гармонично сочетать мирные и боевые занятия (Номикосов, 1884: 301). При этом, описывая воинственность донцов, секретарь статистического комитета не подтверждал ее никакими фактами, зато сбивался на стиль, более уместный в публицистическом очерке, чем в научной работе: «Боевые предания поддерживаются старым дедом, повествующим о былом времени, и отцом, может быть, только вчера воротившимся со службы Царской. Слушает ребенок и отрок и поучается; становясь юношей – он уже сам Царский слуга и воин-защитник отечества. На службе Царской – казак у своего дела, на своем месте. Он несет ее как долг, как священную обязанность, традиционно переходящую от деда к внуку» (Номикосов, 1884: 312). Увы, подобный образ казака-воина представляет собой скорее идеализированную мечту С.Ф. Номикосова, чем реальность. По мнению современных исследователей, постепенный упадок военных традиций в донских станицах начался еще в 1820 гг. (Захаревич, Скиба, 2016: 95). К началу XX в. этот процесс распространится на большинство казачьих войск, и их офицеры остро ставили вопрос о «угасании военного начала в казачьей среде» (Матвеев, 2011: 237). Мы хотим привести только один, но ярчайший пример этого. Известным общественным и политическим деятелем Дона начала XX в. был В.Я. Бирюков, в 1917 г. удостоенный чести представлять Донскую область в Учредительном собрании (Волвенко, 2017: 150). И этот популярный в казачьей среде человек, будучи избранным еще в 1898 г. представителем в одну из правительственных комиссий от станичных обществ 1 Донского округа (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 18. Л. 30б), выступил с предложением вовсе освободить казаков от особой, по сравнению с остальным населением империи, военной службы. При этом он увязывал необходимость служить отнюдь не с желанием казаков быть «Царскими слугами», но с получаемыми взамен привилегиями, и отмечал, что «не осталось теперь никаких особых прав и преимуществ, никаких других мотивов, ради которых или в силу которых по справедливости можно было бы возлагать на казаков особые повинности в сравнении с повинностями прочего населения империи (курсив наш – А.П.)» (Бирюков, 1899: 12).

Столь же идеализированным выглядит и созданный С.Ф. Номикосовыми образ казака-гражданина. Как ясно из приведенных выше цитат П.Г. Мордвинцева и Н.А. Маслаковца, обеднение казачьих хозяйств в 1880 гг. уже шло полным ходом, и секретарь статистического комитета не мог не замечать, что их благосостояние оставляет желать лучшего, однако он трактовал этот факт весьма своеобразно. «В среднем выводе состояние казака-земледельца невелико, но, говоря относительно, оно в достаточной мере устойчиво и прочно. Недаром же говорят на Дону «от земледелия сыт не будешь, но и с голоду не умрешь». Труд земледельца тяжел, утомителен, упорен, но, при благоприятных обстоятельствах, вознаграждается очень хорошо; только сущие лентяи не заработают себе насущного куска хлеба (курсив наш – А.П.)» (Номикосов, 1884: 301). Между тем даже люди, без особой симпатии относившиеся к донскому казачеству, по итогам правления Н.И. Святополка-Мирского были вынуждены признать, что кажущееся благосостояние казаков постоянно подрывалось изнутри далеко не до конца продуманной системой военной службы. Вот что писал об этом, например, новочеркасский прокурор А.А. Чигринцев, решительный противник В.Я. Бирюкова и его идей о освобождении казачества от особой системы воинской повинности: «На Дону не редки случаи, когда и в мирное время поголовная воинская повинность совершенно разоряет казака и ставит его семью в чрезвычайно тяжелое положение. Ненормальность такого порядка вполне иллюстрируют указанные в докладе Бирюкова два случая, производящие удручающее впечатление. В 1898 г. из хутора Горского Урюпинской станицы были, между прочим, командированы в первоочередные полки два казака: Василий Кадыков и Наум Лапин. В семье Кадыкова остались: бабка 82 лет, слепая, мать-вдова 54 лет, больная, жена 20 лет и две сестры 16 и 8 лет. В семье Лапина остались: бабка 79 лет, неподвижно больная, мать-вдова 45 лет, жена 21 года с двумя маленькими детьми и сестра 11 лет. <...>. При чем же остались семьи, лишенные единственных работников! При таких условиях службы, и Кадыков, и Лапин разорены настолько, что найти выход из нищенского положения им, по возвращению со службы, вряд

ли будет возможно» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 24. Л. 120б-13). Подобные свидетельства современников, подкрепленные фактами, выглядят куда надежнее общих рассуждений С.Ф. Номикосова и донских поговорок, призванных доказать, что в казачьей среде «только сущие лентяи не заработают себе насущного куска хлеба». Безусловно, на начало 1880 гг. ситуация была менее определенной, чем двумя десятилетиями позже, когда А.А. Чигринцев писал свою филиппику в адрес военной службы казачества. Однако секретарь статистического комитета явно игнорировал целый комплекс фактов, свидетельствующих о начале обеднения донских казаков, при том, что Н.И. Краснов в 1860 гг., напротив, этот комплекс всячески подчеркивал и преувеличивал.

Зато в итоге С.Ф. Номикосов добивался своей главной цели: он презентовал читателю образ казака как эффективного «воина-гражданина», которому военная служба отнюдь не мешала заниматься мирными промыслами, а забота о хозяйстве не подрывала его боевой дух. Подобный казак, якобы, окончательно сформировался в ходе реформ 1860-1870 гг., в оценке которых донской автор полностью расходился с другим казачьим консерватором, неоднократно упомянутым выше Н.А. Маслаковцом. Как мы уже писали, Н.А. Маслоковец резко негативно относился к этим реформам, утверждая, что они «едва было в самом корне не подсекли всего строя их (казачьих войск – А.П.) прежнего развития» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 5). С.Ф. Номикосов, напротив, доказывал, что эти преобразования казачества, во-первых, были более чем эффективны, а, во-вторых, не являлись либеральными по своей сути, но развивали «Положение об управлении Донского войска» 1835 г. заложившее основу для превращения казака из «воина» в «воина-гражданина» (Номикосов, 1884: 726). С исторической точки зрения второе утверждение секретаря статистического комитета не выдерживало никакой критики. Лично Д.А. Милютин в 1863 г. писал: «Существовавшее законодательство относительно казачьих войск, основанное на Положении, составленном в 1835 году для Донского войска, совершенно устарело и не могло уже служить руководством на практике» (Милютин, 1999: 263). Однако у С.Ф. Номикосова было свое представление о том, чем руководствовался военный министр в своих реформах, и донской ученый настаивал, что Д.А. Милютин хотел только усовершенствовать существующее «Положение», довести его до логического завершения (Номикосов, 1884: 49). И это ему якобы удалось. Приведем обширную выписку из текста «Статистического описания Области Войска Донского», которую мы считаем ключевой. «Со введением всех поименованных учреждений и реформ в казачьей воинской повинности и во всем управлении области, сгладились все особенности всевеликого войска Донского, и оно выступило на новый путь, предначертанный державною волею Царя Мученика в словах: «казачье население, отбывая по-прежнему воинскую свою обязанность, может и должно в тоже время пользоваться общими для всех частей Империи благами гражданского благоустройства». Развитие на Дону мирной гражданской жизни не убило воинственный дух казаков, и минувшая турецкая война воочию убедила, насколько еще живы в среде Донского казачества славные боевые предания. Река времен обратного течения не имеет и век Ермака не возвратится на Дону, а современная жизнь предъявляет свои требования, непрестанно напоминая казаку о необходимости труда земледельческого, ремесленного, заводского и промышленного. Но доколе существует Донское Казачество, оно всегда останется ухом и глазом славной армии русской и до последней капли крови Донской казак станет биться за честь и славу царя-батюшки и великой Российской земли!» (Номикосов, 1884: 50-51). Таким образом, если Н.А. Маслаковец, которого можно назвать одновременно более радикальным и реалистичным консерватором, выступал против распространения в казачьих войсках самого «духа гражданственности», считая его несочетаемым с «военным духом и строгой дисциплиной даже в домашнем быту» (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 5-50б), то С.Ф. Номикосов надеялся, что реализованный в итоге в 1860-1870 гг. Военным Министерством вариант реформы казачьих войск окажется в полной мере компромиссным, и позволит одновременно развить гражданскую жизнь казачьих областей и поднять боеспособность казачьих частей.

Секретарю статистического комитета очень повезло со временем выхода его работы. В начале 1880 гг. положительный эффект от милютинских преобразований был очевиден, в то время как их долгосрочные и часто катастрофические для казачьих традиций последствия только начинали проявляться. Так, оценивая допуск на Дон иногородних,

С.Ф. Номикосов утверждал: «Благодетельный закон этот, составивший эпоху в историческом развитии поземельной собственности на Дону, много содействовал к поднятию ценности Донских земель и улучшению земледельческой культуры. В тоже время он сослужил и другую немаловажную службу, разбив вековую замкнутость и обособленность войска. Минеральные богатства, скрытые в недрах земли, составляют с этого времени собственность владельцев земель, что весьма много содействовало развитию каменно-угольной промышленности. Развитие этого промысла, вместе с проведением чрез область железных дорог, усилило торговое движение, что отразилось на улучшении благосостояния народных масс» (Номикосов, 1884: 49). Между тем спустя три десятилетия даже Военное Министерство будет оценивать это свое решение очень неоднозначно, отмечая, что хотя на первом этапе после допуска иногородних в казачьи войска «поселение в станицах лиц, занимающихся сельским хозяйством, было выгодно как для них, так и для казаков», именно повышение ценности станичных земель и рост благосостояния местного населения привели к неожиданным негативным последствиям. В правительственном официозе по этому поводу говорилось: «Пользуясь высокими арендными платами, казаки стали бросать свое хозяйство, предпочитая сдавать всю свою землю в аренду. Полученные деньги в громадном большинстве случаев истрачивались самым непроизводительным способом и в результате получалось не только материальное разорение казаков и их семейств, но и нравственная порча населения, так как деньги, добытые таким легким способом, давали казаку предаваться праздности, а в случае нужды рассчитывать на помощь общества или войска» (Столетие, 1911: 91). И Н.А. Маслаковец наблюдал подобное развитие событий еще в 1880 г., во время своих объездов оренбургских станиц (ОР РНБ. Ф. 1055. Ед. хр. 104. Л. 7-70б). Таким образом, заслуживает отдельного внимания то, что идеализированный образ казачьего «воина-гражданина», созданный С.Ф. Номикосовым, опирался на неожиданный в устах консерватора миф о абсолютной благодетельности либеральных реформ прошедшего царствования, после которых, якобы, казаки вступили в период новой стабильности, стабильности в условиях современного общества второй половины XIX столетия.

Аналогичные черты, стабильность и эффективность, были характерны и для создаваемого С.Ф. Номикосовым образа казачества, а противоречащие подобной трактовке факты секретарь статистического комитета старался выставить ситуационными или нерепрезентативными. Так, признав, в конце концов, что на рубеже 1870-1880 гг. обеднение казачьих хозяйств было характерно для всей территории Области Войска Донского, он в то же время призывал считать этот процесс случайным и вызванным исключительно природными факторами, утверждая: «обеднение это не есть результат недостатка в земле или особенной тяжести воинской повинности, а прямое следствие целого ряда неурожайных лет» (Номикосов, 1884: 357). А из всего этого следовал важнейший для С.Ф. Номикосова вывод о том, что проблемы казачества в целом сильно преувеличивались другими авторами (трудно тут не вспомнить Н.А. Маслаковца), и для решения этих проблем не было нужды в серьезных реформах, даже локальных, а не радикальных: ведь «явления частные и, может быть, временные, <...> и для устранения своего нуждаются в мерах частных, временных» (Номикосов, 1884: 357).

Как раз для того, чтобы показать экономическую стабильность и эффективность казачества как сословия, С.Ф. Номикосов сравнивал положение казачьих хозяйств с положением хозяйств крестьянских. Нужно сказать, что сам по себе подобный метод не отличался новизной: к нему еще в 1870 гг. прибегали чиновники Военного Министерства, правда, с противоположными целями, пытаясь продемонстрировать тяжелое положение казачества и необходимость его реформ. Нам известна записка на этот счет, датированная 1875 г. и подписанная лично Д.А. Милютиним. Здесь не место подробно анализировать ее содержание, отметим лишь, что сопоставляя экономическое положение казаков Донского, Терского и Кубанского войск с государственными крестьянами Ставропольской губернии, военный министр пришел к выводу о заметно более выгодном положении последних. Особенно важен тот факт, что, по мнению Д.А. Милютина, целый ряд казачьих повинностей из-за крайней специфичности было «невозможно перевести на деньги» (подробнее об этих повинностях мы напишем ниже) (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 5-6). И в итоге военный министр резюмировал: «если казаки и могут быть названы привилегированным сословием, то привилегия их заключается в том, что они стоят в первом ряду Государевых слуг, что на

плечах их лежит такое государственное тягло, какое может нести только крепкое духом и энергическое население» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 6). Однако как раз такой результат расчетов не мог устроить С.Ф. Номикосова и его высокопоставленного покровителя Н.И. Святополк-Мирского, поскольку он подтверждал правоту сторонников реформ казачества, хотя бы и ограниченных.

Поэтому секретарь донского статистического комитета попытался опровергнуть выводы своих предшественников. Он не был методически оригинален: за основу им была взята работа А.М. Грекова «Воинская повинность Донского казачьего войска в прежнее и настоящее время» (Номикосов, 1884: 345-346). Цифры, использованные в этой работе, с точностью до копейки совпадают с вышеупомянутой запиской Д.А. Милютин (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 4-40б). Тут следует отметить, что А.М. Греков в 1874 г. был назначен в Главное Управление Иррегулярных войск (Список, 1891: 607), и, вполне возможно, был одним из реальных авторов служебной записки, позже только проверенной и подписанной военным министром. Кроме того, как ясно из названия текста А.М. Грекова, особое значение в нем придавалось тяжести воинской повинности для казачьих хозяйств. С этим соглашался и С.Ф. Номикосов, и, по существу его полемика с предшественниками сводилась к двум весьма специфическим доводам. Прежде всего, секретарь статистического комитета просто объявил некорректными озвученные А.М. Грековым суммы затрат казаков, связанных с военной службой, хотя эти суммы были извлечены «частью из дел Главного Управления Иррегулярных войск, частью из показаний состоящих при управлении казачьих депутатов» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 40б). С.Ф. Номикосов доказывал, что цены на обмундирование и лошадь сильно завышены правительственным чиновником, и в действительности их можно купить дешевле. Аналогично донской автор считал сильно завышенной и оплату годового работника, способного заменить ушедшего на службу казака (Номикосов, 1884: 347). В результате, если А.М. Греков считал финансовые потери донца за годы несения службы равными 1 079 руб. 25 коп., то С.Ф. Номикосов находил возможным ограничить их суммой в 684 руб. 50 коп. (Номикосов, 1884: 347-348).

Если это утверждение С.Ф. Номикосова, как минимум, заслуживает внимания при всей своей неоднозначности (вопрос о соотношении номинальных и реальных цен на казачье снаряжение до сих пор не привлекал должного внимания историков), то второй довод, приведенный им в защиту своей позиции, снова представлял собой попытку объявить неудобные факты несуществующими. Дело в том, что все сторонники идеи о особой тяжести казачьей службы для экономического положения казачьих хозяйств подчеркивали то, что она была военной, то есть априори включала в себя такие повинности и риски, которые, как писал Д.А. Милютин в приведенной выше цитате, «невозможно перевести на деньги». Приведем перечень подобных факторов, не учтенных А.М. Грековым в его чисто финансовых расчетах. Во-первых, значительная часть казачьего пая на практике использовалась для обязательного станичного коневодства, тем самым существенно уменьшая личный надел казака (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 40б); во-вторых, казак при снаряжении на службу должен был купить амуницию и коня в течение крайне ограниченного срока времени, а необходимая для этого сумма свободных денег обычно была только у самых зажиточных хозяев, вследствие чего даже среднезажиточные казаки были вынуждены продавать часть своего скота и расстраивать этим хозяйство (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 40б-5); в-третьих, строевая лошадь требовала не только фуража, который был учтен в расчетах, но и ухода, стоимость которого едва ли могла быть точно оценена (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 5); в-четвертых, казак строевого разряда оказывался подчиненным одновременно военной и гражданской администрациям, которые могли обращаться к нему с разного рода требованиями (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 6); в-пятых, безотносительно этих администраций, казак часто жил в одной станице и пользовался одними станичными угодьями со своими офицерами, которые могли пользоваться этим в корыстных целях (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 6); наконец, в-шестых, станичные тренировочные сборы, хотя и не должны были отвлекать казаков от сельских работ, на практике тоже требовали времени и мешали этим работам, а затем им мешала и необходимость исправления выявленных начальством недостатков (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61. Д. 1938. Л. 6). Вероятно, этот перечень мог быть продолжен, по крайней мере, в оригинале документа он заканчивается словами «и так далее» (РГВИА. Ф. 330. Оп. 61.

Д. 1938. Л. 5, 6). Однако С.Ф. Номикосов игнорировал все эти рассуждения и открыто признавал, что исходит в своих расчетах из того предположения, что между казачьей и крестьянской системой повинностей нет никаких различий, кроме степени финансовой отягощенности. Эту свою, по меньшей мере, спорную мысль секретарь статистического комитета обосновывал следующим образом: «Смеем думать, что форма налога, взятая сама по себе, еще ничего не выражает и если в одном месте дают с известного пространства земли несколько соболей или горностаев, а в другом ставят вооруженного воина, то это дело местных условий, не более того. Следовательно, когда речь заходит о тягости повинностей, лежащих на Донском войске, то понимать эту тягость нужно не в смысле формы повинностей, а в смысле их размера» (Номикосов, 1884: 355).

И в итоге С.Ф. Номикосов сравнивал положение казачьих и крестьянских хозяйств исходя из своего варианта цен и отсутствия у казаков повинностей, которые «невозможно перевести на деньги». Более того, секретарь статистического комитета использовал для сравнения не ставропольское крестьянство, но крестьянство донское, находящееся в существенно худшем положении. И вывод, к которому он пришел при таких вводных, был однозначен, и, наверное, полностью устроил не желавшего реформ, как консервативных, так и либеральных, Н.И. Святополк-Мирского: «Тяжесть казачьей воинской повинности, о которой так много говорили земские на Дону деятели и некоторые публицисты, вовсе не так велика, как обыкновенно думают люди, скорбящие более, чем скорбеть надлежит» (Номикосов, 1884: 361-362).

С.Ф. Номикосов пытался сформировать позитивный образ казачества, как стабильного и эффективного сословия, не только отрицая неудобные для него факты как нерепрезентативные и сравнивая экономическое положение якобы благополучных казачьих и неблагополучных крестьянских хозяйств. В его труде подвергались своеобразной редукции те проблемы, которые, по мнению других авторов, были характерны для Войска Донского. Так, как мы уже неоднократно писали выше, секретарь статистического комитета отрицал существование тенденции к обеднению казачества, и объяснял падение благосостояния казачьих хозяйств в последние годы «рядом неурожайных лет». Однако этим С.Ф. Номикосов не ограничился: в другом месте своей работы он не только не скрывал, но и подчеркивал, что на Дону «хлебов местного производства, в иные годы, не хватает на нужды местного населения», причем такая ситуация начала складываться задолго до 1870 гг., и все время ухудшается. Он писал: «недороды (недородом С.Ф. Номикосов считал не просто плохой урожай, но описанную выше ситуацию недостатка продовольствия – А.П.) в двадцатых и тридцатых годах текущего столетия случались реже, чем в сороковых и пятидесятых, а в эти последние годы реже, чем в последнее двадцатилетие» (Номикосов, 1884: 727). На наш взгляд, одного этого было достаточно, чтобы нарисованные донским автором благостные образы как казачьего сословия в целом, так и «воинов-гражданин», созданных правительственными преобразованиями предыдущих царствований, полностью рассыпались, а требования либералов и радикальных консерваторов о проведении немедленных реформ казачества получали дополнительное и более чем убедительное обоснование. Однако С.Ф. Номикосов пускал в ход софистику, утверждая, что «прогресс в земледелии определяется лишь избытком хлеба, поступающего в продажу за удовлетворением местных потребностей в прокормлении», и соответственно, так как у казаков этого избытка с каждым годом становилось все меньше, «земледелие на Дону регрессирует» (Номикосов, 1884: 727). И, в результате, сложная социально-экономическая проблема обеднения казачества подменялась чисто хозяйственной проблемой регресса земледелия на Дону.

А, чтобы исправить этот регресс, нужны были не серьезные реформы казачества, но «частные и временные меры» административного порядка. Мы позволим себе выписать все эти меры, чтобы читатель понял их ограниченность: «1) улучшение грунтовых дорог и устранение препятствий в перевозке хлебов по существующим в крае железным дорогам; 2) устранение неправильностей в хлебной торговле, в силу которых производитель хлебов находится всегда в руках посредника-торговца; 3) устройство дешевого и целесообразного кредита для народных масс 4) содействие к развитию кустарных промыслов и таких технических производств, при наличности которых население с пользой могло бы затрачивать свое, свободное от земледельческих работ, время; 5) содействие к устройству

заводов, перерабатывающих местные продукты земледелия и скотоводства, а равно и минеральные богатства области в продукты высшего порядка; б) распространение в земледельческих массах рациональных первоначально-научных и практических знаний путем открытия земледельческих ферм и низших сельско-хозяйственных школ; 7) постоянное наблюдение чрез особенных агентов (инспекторов сельского хозяйства), специально к тому подготовленных, над состоянием сельскохозяйственной в области промышленности» (Номикосов, 1884: 728). Особые надежды С.Ф. Номикосов возлагал на седьмой пункт. Донской автор в рамках своих консервативных воззрений вообще делил население на «производительные» и «охранительные» силы, придавая особое значение последним. Современному человеку это может показаться анекдотичным, но он прямо писал: «Как ни важны производительные силы сами по себе, без сил охранительных они ничто, ибо общественное благосостояние мыслимо только при взаимодействии сил производительных и охранительных. Роль последних состоит в поддержке и регулировании первых и в охранении как самых производителей, так и результатов их производства, выражающихся в накоплении материальных и духовных богатств» (Номикосов, 1884: 726). Соответственно, даже экономические проблемы секретарь статистического комитета предлагал решать с помощью административных мер, усиливая контроль и «охранение» простых сельских хозяев. С.Ф. Номикосов не сомневался в успехе подобных действий: «Доброе семя приносит плод, когда упадет на почву плодородную; всякие же улучшения прививаются только там, где народ приготовлен к их принятию. Казаки народ бывалый, в массе развитый более всего русского крестьянства и, если принять во внимание, что первоначальное народное образование на Дону стоит на довольно высокой степени, то едва ли можно сомневаться в способности казаков к восприятию каких бы то ни было мер, непосредственно касающихся улучшения их быта» (Номикосов, 1884: 729-730).

Проблема неоспоримого обезземеливания казаков так же редуцировалась С.Ф. Номикосовым, причем весьма своеобразным способом. Секретарь статистического комитета не спорил с тем, что, если казачье население будет расти теми же темпами, что и в 1880 г., а площадь юртовых земель не изменится, к началу 1930 г. средний казачий надел уменьшится вдвое. Однако опасения по этому поводу он считал несколько преувеличенными, поскольку «загадывать о будущем на целое столетие вперед, по малой мере, преждевременно». С.Ф. Номикосов призывал не исключать той возможности, что проблема как-то решится сама собой, вследствие развития экономики Дона: «Очень может быть, что к тому времени производство разовьется до такой степени, что надел в 25 десятин на семью много больше будет значить, чем теперешний 50-ти десятинный надел; может статься, что центр тяжести народной деятельности с сельско-хозяйственной промышленности перейдет на каменно-угольный, заводской или иной промысел» (Номикосов, 1884: 751).

С.Ф. Номикосов не считал полноценной проблемой даже увеличение числа казаков, которые не могли самостоятельно снарядиться на службу. В очередной раз заявив, что, в принципе воинская повинность донского казачества никак не может быть отяготительной, секретарь статистического комитета предложил еще один отдающий софистикой тезис: «Слово «тяжесть» в данном случае не выражает собою понятия о чрезмерном бремени, а дает лишь представление о *неуравнительности раскладки воинской повинности* (курсив С.Ф. Номикосова – А.П.)» (Номикосов, 1884: 749). Исходя из этого, С.Ф. Номикосов предлагал провести кадастровую оценку земли по всей Области Войска Донского, чтобы «*выяснить наименьший казачий надел, соответствующий местным условиям каждой станицы* (курсив С.Ф. Номикосова – А.П.)» (Номикосов, 1884: 751). Фактически, донской автор предлагал довести зависимость казаков от войскового чиновничества до предела: вместо стандартного душевого надела в 30 десятин, положенного по закону (впрочем, реально этот закон не выполнялся), он рекомендовал ввести уникальную норму для каждой станицы, определяемую местными властями. И только в том случае, если бы средний душевой надел в станице оказался ниже рассчитанного чиновниками, ее жители могли бы претендовать на какие-то льготы (Номикосов, 1884: 751). С.Ф. Номикосов признавал, что это «дробное решение» «общего вопроса», однако считал невозможным, чтобы настоящие реформы улучшили положение казачества в этом отношении. Он писал, что если правительство откажется от предложенной им политики «частных и временных мер» то

«следует <выбрать – А.П. > что-нибудь одно из двух: или вовсе не поднимать вопроса о казачьем земельном наделе, или решить его на основании средних данных. А средние данные, как мы видели выше, таковы, что жгучесть вопроса о казачьем пае, о которой так много толковали земские деятели, падает сама собою. Нельзя же, в самом деле, требовать от войска раздачи всех свободных земель станицам или ожидать уменьшения тягости воинской повинности для всех казаков единственно потому, что Кривянская станица имеет 39 десятин земли на семью, Гундоровская дает своим согражданам по 7 десятин пахотной земли, а Нагавская снимает в аренду 2,000 десятин. Частные недостатки могут быть устраняемы частными мерами. В общем же, мы не раз говорили и еще раз повторяем: даже при современном, крайне низком уровне земледельческой на Дону культуры, казачий пай может служить вполне надежным источником средств отправления казаками воинской повинности, разумеется, при условии приложения к земле усердного и разумного труда» (Номикосов, 1884: 752).

4. Заключение

Мы убедились, что С.Ф. Номикосов в своем «Статистическом описании Области Войска Донского» выступал не только как исследователь, но и как адвокат определенного направления правительственной политики по отношению к казакам, направления, которое в 1880 гг. становилось все более популярным и востребованным. В определенной степени развивая тексты Н.И. Краснова начала 1860 гг., секретарь донского статистического комитета в то же время пытался опровергнуть их важнейшую идею, доказать, формируя свой образ казака, что социальные роли «казака-воина» и «казака-гражданина» не противоречат друг другу, как утверждал его предшественник, но, напротив, успешно соединились в донских казаках в результате удачных правительственных реформ 1860-1870 гг. Что же касается образа казачества, то С.Ф. Номикосов доказывал, что казачье сословие представляет собой эффективный и стабильный институт, а все его системные проблемы к началу 1880 гг. были успешно решены. Не отрицая необходимости некоторых преобразований, секретарь донского статистического комитета считал, что они должны будут носить характер не полноценных реформ, но «частных мер», поскольку «явления частные и, может быть, временные, <...> и для устранения своего нуждаются в мерах частных, временных» (Номикосов, 1884: 357).

Безусловно, было бы неправильно возлагать на скромного ученого вину за тот системный кризис донского казачества, который разразился к концу правления покровительствовавшего ему атамана, Н.А. Святополк-Мирского. Однако в то же время нельзя не согласиться с А.А. Волвенко в том, что именно «Статистическое описание Области Войска Донского» стало своеобразным научным оправданием неудачной, в конечном счете, политики этого атамана. Поэтому, не отрицая научных достоинств книги С.Ф. Номикосова, мы бы призвали современных ученых относиться к ней с определенной осторожностью. Н.И. Краснов, чьи работы так же не отличаются объективностью и часто не описывают реальность, но конструируют политически выгодные автору мифы, несмотря на это, в 1860 гг. верно предугадал те опасности, которые ожидали казачество в ходе его дальнейшего развития, сформулировав идею о несовместимости ролей «казака-воина» и «казака-гражданина». С.Ф. Номикосов, напротив, ошибся в самой основной идее своего текста: те проблемы казачества, которые казались ему частными, в 1880 и 1890 гг. все усугублялись, пока ситуация в Донском войске не приобрела характера системного кризиса. Можно сказать, что в заочном споре С.Ф. Номикосова с Н.И. Красновым оказался прав последний: Российской империи так и не удалось успешно совместить в казаках функции «гражданина» и «воина», суметь так законодательно определить их обязанности, чтобы военная служба не мешала мирной жизни и наоборот.

5. Благодарности

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18-39-00009.

Литература

- Бирюков, 1899** – Бирюков В.Я. Доклад члена Комиссии В.Я. Бирюкова о влиянии воинской службы донских казаков на их хозяйственный быт. Новочеркасск, 1899. 13 с.
- Волвенко, 2014** – Волвенко А.А. Донское казачество в правительственной политике эпохи «Великих реформ». (1860-1870 гг.) // *Известия Самарского центра Российской академии наук*. Т. 16. №3. 2014. С. 12-20.
- Волвенко, 2017** – Волвенко А.А. Очерки по истории донского казачества в поздней имперский период (II пол. XIX – нач. XX вв.). Ростов-на-Дону, 2017. 226 с.
- Воспоминания, 1884** – Воспоминания донского казака // *Военный сборник*. 1884. № 2. С. 322-335.
- ГАРО** – Государственный архив Ростовской области.
- Донцы, 2003** – Донцы XIX века. Ростов-на-Дону, 2003. 599 с.
- Захаревич, Скиба, 2016** – Захаревич А.В., Скиба К.В. О донских казаках, служивших на Кубанской линии в 1790-1830-ых гг. // *Российская государственность в судьбах народов Кавказа – IX*. Пятигорск, 2016. С. 90-98.
- Карасев, 1899** – Карасев А.А. Донские атаманы за последние полвека // *Русский архив*, 1899. Кн. 2. С. 106-116.
- Краснов, 1863** – Краснов Н.И. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Земля войска Донского. СПб., 1863. 596 с.
- Краснов, 1870** – Краснов Н.И. Военное обозрение Земли Донского Войска. СПб., 1870. 288 с.
- Маслаковец, 1872** – Маслаковец Н.А. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Ч. 1. Новочеркасск, 1872. 114 с.
- Маслаковец, 1874** – Маслаковец Н.А. Физическое и статистическое описание кочевья донских калмыков. Ч. 2. Новочеркасск, 1874. 95 с.
- Матвеев, 2011** – Матвеев О.В. Из исторического и военно-культурного наследия казачества Кубани. Краснодар, 2011. 252 с.
- Милютин, 1999** – Милютин Д.А. Воспоминания генерал-фельдмаршала графа Дмитрия Алексеевича Милютина. 1860-1862. М., 1999. 559 с.
- Номикосов, 1884** – Номикосов С.Ф. Статистическое описание Области Войска Донского. Новочеркасск, 1884. 774 с.
- Область, 1879** – Область войска Донского по переписи 1873 года. Вып. 1. Новочеркасск, 1879. 248 с.
- ОР РНБ** – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки.
- Петровский, 1916** – Петровский А.И. Опись войсковым, наказным и войсковым наказным атаманам, в разное время в города Черкасск, а затем Новочеркасск для управления Областью войска Донского от высшего начальства поставленным. (1738-1916 гг.). Новочеркасск: 1916. 40 с.
- Скорик, 2015** – Скорик А.П. Милютинский казачий юрт: опыт исторической реконструкции. Новочеркасск, 2015. 1184 с.
- Список, 1891** – Список генералам по старшинству. Составлен по 1 сентября 1891 г. СПб., 1891. 907 с.
- Список, 1901** – Список генералам по старшинству. Составлен по 1 мая 1901 г. СПб., 1901. 1217 с.
- Столетие, 1911** – Столетие военного министерства. 1802-1902. Т. XI. Ч.4. СПб., 1911. 462 с.
- Peretyatko, 2017** – Peretyatko A.Y. The importance of “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” of N.I. Krasnov in the legacy of the author, and social-political life of the Don 1860. // *History and Historians in the Context of the Time*. 2017. 15(1). pp. 4-22.

References

- Biryukov, 1899** – Biryukov, V.Ya. (1899). Doklad chlena Komissii V.Ya. Biryukova o vliyanií voinskoi sluzhby donskikh kazakov na ikh khozyaistvennyi byt [Report of the Commission member V. Ya. Biryukov about the impact of military service of the Don Cossacks to their economic life]. Novocherkassk. P. 13. [in Russian]

[Volvenko, 2014](#) – *Volvenko, A.A.* (2014). Donskoe kazachestvo v pravitel'stvennoi politike epokhi «velikikh reform» (1860-1870-e gody) [The Don Cossacks in the governmental policy at the era of "great reforms" (1860-1870s)]. *Izvestiya Samara scientific centre of Russian Academy of Sciences*. Vol. 16. Is.3. pp. 12-20. [in Russian]

[Volvenko, 2017](#) – *Volvenko, A.A.* (2017). Ocherki po istorii donskogo kazachestva v pozdneimperskij period (II pol. XIX – nach. XX vv.) [Essays about the history of the Don Cossacks in the late imperial period (II half XIX – beginning of XX centuries)]. Rostov-on-Don. P. 226. [in Russian]

[Vospominaniya, 1884](#) – Vospominaniya donskogo kazaka [Memories of Don Cossack]. *Voennyi Sbornik*. 1884. № 2. pp. 322-335 [in Russian]

[GARO](#) – State archive of the Rostov region.

[Doncy, 2003](#) – Doncy XIX veka [Don Cossack of the nineteenth century]. Rostov-on-Don, 2003. P. 599. [in Russian]

[Zakharevich, Skiba, 2016](#) – *Zakharevich, A.V., Skiba, K.V.* (2016). O donskikh kazakakh, sluzhivshikh na Kubanskoj linii v 1790-1830-ykh gg. [About the Don Cossacks, who served on the Kuban line in the 1790-1830's]. *Russian statehood in the destinies of the peoples of the Caucasus – IX*. Pyatigorsk. pp. 90-98. [in Russian]

[Karasev, 1899](#) – *Karasev, A.A.* (1899). Donskie atamany za poslednie polveka [Don ataman over the past half-century]. *Russkii arkhiv*. Vol. 5. pp. 106-116. [in Russian]

[Krasnov, 1863](#) – *Krasnov, N.I.* (1863). Materialy dlja geografii i statistiki Rossii, sobrannye oficerami General'nogo shtaba. Zemlja vojska Donskogo [Materials for geography and statistics of Russia collected by officers of the General staff. Don Host Oblast]. SPb. P. 596. [in Russian]

[Krasnov, 1870](#) – *Krasnov, N.I.* (1870). Voennoe obozrenie Zemli Donskogo Vojska [Military review of the Don Host Oblast]. SPb. P. 290. [in Russian]

[Maslakovets, 1872](#) – *Maslakovets, N.A.* (1872). Fizicheskoe i statisticheskoe opisanie kochev'ya donskikh kalmykov [Physical and statistical description of the pastures of the Don Kalmyks]. Ch.1. Novocherkassk. P. 114. [in Russian]

[Maslakovets, 1874](#) – *Maslakovets, N.A.* (1874). Fizicheskoe i statisticheskoe opisanie kochev'ya donskikh kalmykov [Physical and statistical description of the pastures of the Don Kalmyks]. Ch. 2. Novocherkassk. P. 95. [in Russian]

[Matveev, 2011](#) – *Matveev, O.V.* (2011). Iz istoricheskogo i voenno-kul'turnogo naslediya kazachestva Kubani [From the historical and military-cultural heritage of the Cossacks of Kuban]. Krasnodar. P. 252. [in Russian]

[Miljutin, 1999](#) – *Miljutin, D.A.* (1999). Vospominaniya general-fel'dmarshala grafa Dmitrija Alekseevicha Miljutina. 1860-1862 [Memoirs of the general field marshal count Dmitry Alekseevich Milyutin. 1860-1862]. M. P. 559. [in Russian]

[Nomikosov, 1884](#) – *Nomikosov, S.F.* (1884). Statisticheskoe opisanie Oblasti Vojska Donskogo [Statistical description of the Don Host Oblast]. Novocherkassk. P. 774. [in Russian]

[Oblast', 1879](#) – Oblast' vojska Donskogo po perepisi 1873 goda [Don Host Oblast according the census of 1873]. Vol. 1. Novocherkassk, 1879. P. 248. [in Russian]

[OR RNB](#) – Department of manuscripts of Russian national library.

[Petrovskij, 1916](#) – *Petrovskij, A.I.* (1916). Opis' vojskovym, nakaznym i vojskovym nakaznym atamanam, v raznoe vremja v goroda Cherkassk, a zatem Novocherkassk dlja upravlenija Oblast'ju vojska Donskogo ot vysshego nachal'stva postavlennym. (1738-1916 gg.). [Inventory of the vojskovye, nakaznye i vojskovye nakaznye atamans at different times in the city of Cherkassk and then Novocherkassk to management of the Don Host from higher authorities delivered. (1738-1916 gg.)]. Novocherkassk. P. 40. [in Russian]

[Skorik, 2015](#) – *Skorik, A.P.* (2015). Milyutinskii kazachii yurt: opyt istoricheskoi rekonstruktsii [Milyutinsky Cossack yurt: the experience of historical reconstruction]. Novocherkassk. P. 1184. [in Russian]

[Spisok, 1891](#) – Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlen po 1 sentjabrja 1891 g. [The list of generals in seniority. Compiled by September 1, 1891]. SPb., 1891. P. 907. [in Russian]

[Spisok, 1901](#) – Spisok generalam po starshinstvu. Sostavlen po 1 maja 1901 g. [The list of generals in seniority. Compiled by May 1, 1901]. SPb., 1901. P. 1217. [in Russian]

[Stoletie, 1911](#) – Stoletie Voennogo ministerstva 1802-1902 [Century of the Ministry of Defence of 1802-1902]. T.11. Ch.4. SPb., 1911. P. 462. [in Russian]

Peretyatko, 2017 – Peretyatko, A.Y. (2017). The importance of “Thoughts on being profitable for the state in the financial relation of the system of contributing irregular troops by special population groups, enjoying for this military service exemptions and privileges” of N.I. Krasnov in the legacy of the author, and social-political life of the Don 1860. *History and Historians in the Context of the Time*. 15(1). pp. 4-22. [in Russian]

Образы казака и казачества в «Статистическом описании Области Войска Донского» С.Ф. Номикосова: в защиту «частных и временных мер»

Артем Юрьевич Перетятко ^{a, b, *}

^a Южный федеральный университет, Российская Федерация

^b Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

Аннотация. Данная работа посвящена образам казака и казачества в «Статистическом описании Области Войска Донского» С.Ф. Номикосова (1884). Автор этой книги был секретарем Донского областного статистического комитета. Он поддерживал политику атамана Н.И. Святополк-Мирского, отрицавшего необходимость серьезных реформ казачества. С.Ф. Номикосов утверждал, что в казаке гармонически сочетаются качества «воина» и «гражданина». Он так же подчеркивал стабильность казачьего сословия, и настаивал на том, что его проблемы сильно преувеличены либеральными авторами. Из всего этого он делал вывод, что для успешного продолжения выполнения своих военных и гражданских функций казачество не нуждается в серьезных реформах.

Ключевые слова: образ казака, образ казачества, правительственная политика по отношению к казачьим войскам, Н.И. Святополк-Мирский, С.Ф. Номикосов, «Статистическое описание Области Войска Донского».

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ArtPeretatko@yandex.ru (А.Ю. Перетятко)